

АЛЬБОМ ЮРИЯ РОСТА

Человек этот был столь могуч разумом, столь многообразно и глубоко образован, что, вступив в его дом на Арбате (еще до свидания с ним), я определенно оробел.

Все намеченные темы разговора показались скудными и недостойными его драгоценного быстроходящего времени. Неловко было тревожить могучий интеллект своими любительскими умозаключениями. Алексей Федорович Лосев был профессионалом мысли. Его место в ряду выдающихся русских умов Вл. Соловьева, Вяч. Иванова, П. Флоренского, Н. Бердяева, С. Булгакова... А тут я.

Прикрывшись фотоаппаратом, как инструментом профессии, в которой чувствовал себя уверенней Лосева, я посчитал необходимым, минимально пользуясь словами, нарисовать образ этого мощного (к этому времени почти неподвижного) человека.

После ареста в тридцатом и лагерей Беломорканала он почти потерял

зрение. Толстые стекла очков в старомодной оправе, показавшейся удобной и потому когда-то купленной в большом количестве, чтобы хватило на всю жизнь, прятали глаза. Однако, присмотревшись, я заметил, что он, не поворачивая головы, с пониманием и интересом следит за моими передвижениями в поисках композиции.

Доверие льстило мне, и я заговорил.

Меня интересовало: над чем работает почти незрячий Лосев и как?

Он завершал восьмитомную «Историю античной эстетики», диктуя самый сложный текст своей супруге Азе Алибековне. Он черпал точно сложенные из слов и знаний формулировки и рассуждения из своей необыкновенной головы и излагал их в форме, не требующей правки.

Всю жизнь он думал.

«Личность предполагает прежде всего самосознание и интеллигенцию. Личность именно этим и отличается от вещи», — писал он в «Диалектике мифа».

До последнего дня своего девяносточетырехлетнего пребывания в этом мире он оставался личностью.

Моск. новости. - 1994 - 16 - 22 марта - с. 14

Лосев Алексей Федорович 16-23.03.94

19